

АЛЕКСИС БАСС

АЛЕКСИС БАСС

**ЛЮБОВЬ И ДРУГИЕ
ТЕОРИИ**

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31 (73)
ББК 84(7Сое)-44
Б27

Alexis Bass
Love and Other Theories

*Печатается с разрешения автора и литературных агентств
New Leaf Literary & Media Inc. и Andrew Nurnberg*

Басс, Алексис.

Б27 Любовь и другие теории : [роман] / Алексис Басс ;
[пер. с англ. М. Виноградовой]. — Москва : АСТ,
2015. — 352 с. — (Виноваты звезды).

ISBN 978-5-17-088248-9

Скоро Обри Хаусинг окончит школу и уедет учиться в университет. Ради этого она трудилась изо всех сил: отлично училась, по выходным подрабатывала в кафе. Но теперь заветная цель достигнута, и можно немного расслабиться. У Обри и трех ее закадычных подруг есть целая теория относительно романов в старших классах: настоящей любви в школе не встретишь, отношения тут мимолетны, зато все очень весело.

Посреди года в класс приходит новый мальчик — сногшибательный красавец, поступивший в тот же самый университет, что и Обри. У них тотчас же завязывается головокружительный роман. Но долго ли продержатся эти отношения, ведь самая красивая и бесшабашная из подруг, Шелби, тоже положила на Натана глаз...

УДК 821.111-31 (73)
ББК 84(7Сое)-44

Copyright © 2015 by Alexis Bass

Школа перевода В. Баканова

© М. Виноградова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2015

ISBN 978-5-17-088248-9

*Посвящается моим родителям, Бобу и Дженни Басс,
за то что они всегда меня поддерживали.*

«Мудрая девушка целует,
но не любит, слушает, но не верит,
и уходит прежде, чем ее бросят».

Мерилин Монро

Глава 1

Главная причина, из-за которой я готова хоть сейчас расстаться со школой, со всей остротой проявляется именно сегодня, в первый же день после зимних каникул, на первом же уроке — театральном мастерстве. Ну а где бы еще?

— Обри Хаусинг, — выкликает миссис Сеймур, набив рот картофельными чипсами, и со своего места в центре аудитории показывает на сцену — как будто я и без того не знаю, куда идти! Ее сальные руки блестят в свете прожектора.

Я иду по проходу неторопливо — и не только потому, что мне совсем не хочется оказаться на сцене, но и просто потому, что могу себе это позволить. Могу тянуть время, сколько хочу, — потому что меня в этой школе всегда станут ждать.

Выхожу на сцену, встаю в круг света от прожектора. Да-да, миссис Сеймур решила в первый же день включить самый настоящий прожектор — идея ее ассистента, Мелвина. Курс театрального мастерства для старшеклассников не сулит ему особо много настоящего театрального опыта, вот он и старается выжать все, что только возможно. Заранее чую — в этом семестре Мелвин еще доставит мне кучу хлопот.

— Представься. Расскажи нам три факта о себе, — громко говорит миссис Сеймур то же самое, что уже сказала по очереди одиннадцати ученикам передо мной. — И не забывай — звук должен идти от диафрагмы.

Я без улыбки киваю ей в ответ.

— Меня зовут Обри Хаусинг.

То, что вообще стоит обо мне знать, все и так прекрасно знают. Я лучшая подруга Шелби Честерфилд. Последняя победа Трипа Чепмена в прошлом году, перед тем как он окончил школу. Единственная за последние семь лет ученица Линкольнской старшей школы, которую примут в Бэрронский университет.

Я выдаю тот же стандартный набор благоглупостей, что и все остальные до меня.

— Мой любимый цвет — фиолетовый, я работаю в «Френч ролл» и... — Тут я умолкаю, потому что в аудитории становится шумно. Перешептывания, шорох, скрип стульев. Чудно прямо — до чего остро осознаешь со сцены, что творится там, в зале.

Причину переполоха обнаружить удастся в два счета. Парень. Новенький. Само собой, ну кто тут устоит? Все на него пооборачивались. Типичная реакция, если вдруг появляется кто-то новенький, да еще парень, да еще, что уж совсем непростительно, такой симпатичный.

— Любимое место отдыха — Джинева-лейк, — громко — от диафрагмы — произношу я, стараясь снова привлечь к себе внимание. Хватит уже глазеть на новичка, который бредет себе по проходу, как будто и замечать ничего не замечает. Даже расписание перед собой держит, точно читает на ходу. Можно подумать, у нас в школе есть другой зал, так что ему грозило ошибиться дверью.

А потом он вдруг смотрит на меня.

Я — не первая, кто обратил на него внимание. Зато, скорее всего, первая, на кого обратил внимание он. В смысле, кого он по-настоящему увидел. Спасибо прожекторам.

— Что ты делала на зимних каникулах? — спрашивает миссис Сеймур.

— Каталась на лыжах и... — Краем глаза я слежу за новеньким. Он садится близко к сцене — в отличие от большинства других учеников, угнездившихся на задних рядах. Теперь, в отсвете прожекторов, я уже могу его разглядеть. Даже слишком хорошо разглядеть. — И посещала кампус Бэррона.

Новичок улыбается. Ну все, я влипла. Потрясающая улыбка. Совершенно под стать его лицу — тоже, насколько могу судить, потрясающему.

— Роберт Джулз, — выкликает миссис Сеймур, снова с набитым ртом.

Роберт медленно бредет к сцене — потому что может себе это позволить. В наступившей мучительной тишине я возвращаюсь на свое место.

Вот странно! Новенький уселся ровно в трех стульях от места, где я оставила свои вещи. Я единственная устроилась так близко к сцене, всего в пятом ряду — и зря. Просто сразу не сообразила. Только когда Роберт Джулз со смехом поинтересовался, с каких это пор мне очки требуются, до меня дошло, что актерское мастерство совсем другое дело, чем остальные предметы — настоящие предметы. Тут оценки не зависят от того, близко ли ты сидишь.

— Меня зовут Роберт Джулз, — тем временем произносит он в микрофон. — И я люблю красоток, вечеринки и красоток. — Благодаря прожекторам всем видно, как Роберт подмигивает. Я встряхиваю голо-

вой. Нет, он и в самом деле подмигнул! Но это же Роберт Джулз — он себе и не такое может позволить. — А во время каникул я устраивал вечеринки с красотками. Обри, детка, подтверди.

Еще и не такое.

Я закрываю глаза левой рукой и снова трясую головой. От меня ничего иного и не ждут. За эти каникулы я видела Роберта два раза — что на два раза больше, чем в любые другие зимние каникулы (общим числом двенадцать) с тех пор, как мы с ним познакомились в детсадовской группе. Наелись алкогольных желе — это в первый раз. А во второй — он подбивал меня целоваться с Мелиссой, моей подругой. Большая ошибка.

Открыв глаза, я первым делом кошусь на новенького. Как-то так само собой получается. Но я рада: так и думала, что он тоже на меня смотрит.

Роберт высок, темноволос и мускулист, а значит — считается в Линкольнской старшей школе неотразимым. Все знают, что он остряк и всех без разбора называет «детка». А еще все знают, что между нами с ним никогда не было ни намека ни на что романтическое или там сексуальное. И вообще последние несколько месяцев он крутит с моей подругой Даникой. Зато новичок-то обо всем этом понятия не имеет! А вдруг подумает, что для Роберта «детка» — только я? Вдруг это на корню убило шансы, что у нас с ним что-то получится?

А может — наоборот, теперь-то он точно обратит на меня внимание.

Роберт вразвалочку направляется на свое место, а новенький тем временем встает и идет по проходу к миссис Сеймур. Наклоняется, что-то ей говорит. Она машет ему рукой на сцену — и он, не теряя ни секун-

ды, оказывается в кругу света. Кругом все умолкают. Тишина даже как-то нервирует.

Новенький, прищурившись, всматривается в зал. Чутьочку переигрывает, не так уж и спит этот проектор.

— Меня зовут Натан Диггс, — сообщает он громко, хотя и не от диафрагмы. — Я только что приехал из Калифорнии, мне восемнадцать лет, а из еды я больше всего люблю курицу по-пармски.

Натан Диггс.

Он красив, хотя и в непривычном мне стиле, — но мне так кажется вовсе не потому, что из всех мальчишек Линкольнской школы я его одного не знаю с пяти лет. Он и правда совсем другой. И одет не в типичный для нашей школы прикид — джинсы, кроссовки, футболка и толстовка с капюшоном. И даже не в том стиле «мы из глубинки», что подцепили иные старшекласники в прошлом году. Этакая линиялая шерсть и выцветшая фланелька. Шелби называет это «под Чепмена» — в честь стиля Зейна и Трипа Чепменов. А новичок появился в кожаной куртке. Я раньше думала, парни в коже смотрятся дешевкой. Ну и ошибалась же! Думала, кожаная куртка на трикотажную рубашку — получится неуклюже и мешковато. Выходит, снова ошиблась.

— А зимние каникулы я провел в процессе переезда, — заканчивает новенький.

Я все жду, что вот-вот в его голосе прорвется досада — это ж надо, переезд прямо посреди выпускного класса! Ну какие родители такое устроят? Однако новичок выглядит вполне довольным жизнью. Вот в нем еще что удивительно. Хотя глаза у него очень темные — темнее темно-каштановых волос, — но вид все равно очень добродушный и искренний.

Он пожимает плечами — сообразил, видно, что аплодисментов не дождется, — и спускается со сцены. Я краешком глаза слежу, как он возвращается на место. Примерно в трех сиденьях от меня.

Честно говоря, мне очень не по себе, даже физически. Но я стараюсь этого не показывать — вот уж не хватало демонстрировать, как на меня влияет соседство с каким-то там мальчишкой.

— Эй, — шепчет он, перегибаясь через соседнее сиденье.

Надо было притвориться, будто я не услышала, — пусть бы постарался как следует, прежде чем привлечь мое внимание. Но он застал меня врасплох, вот я и обернулась, совершенно инстинктивно.

Он смотрит на меня выжидающе, так что я тоже наклоняюсь к нему.

— Она еще не раздавала программу занятий? — шепчет он.

— Ой, нет. Да тут никакой программы и нет.

Лицо у него растерянное. Мне это нравится — а то обычно все делают вид, будто все сами знают.

— Оценки будут ставить просто за участие, — объясняю я, стараясь подчеркнуть, что это не настоящий предмет. Ни списка обязательной литературы, ни необходимости садиться вперед. А учительница жует чипсы прямо на уроке.

Натан удивленно приподнимает бровь.

— Выходит, у нас есть шанс и в самом деле блеснуть актерским мастерством.

До меня даже не сразу доходит, что он шутит. Я смеюсь, но как-то неуверенно.

— Трудный первый день, да? — спрашивает он.

Снова шутка. Но теперь я готова и смеюсь совершенно нормально.

— Так кто переезжает посреди выпускного класса? — спрашиваю я. Вполне законный вопрос.

— Я.

Законный ответ. Он наклоняется чуть сильнее, словно всерьез раздумывает, не пересест ли поближе ко мне. Я отклоняюсь назад, провоцируя его так и сделать.

Не успевает Натан снова заговорить со мной, а я прикинуться, будто не слышу чтобы он все-таки пересел, как миссис Сеймур начинает вещать что-то про импровизации. Мелвин раздает какие-то листки. Натан тянется через сиденья, чтобы передать один мне. Я беру не сразу, выжидая, что он воспользуется этим предложением и все-таки пересядет поближе. Но он лишь помахивает передо мной листком, как будто я не понимаю, что это мне. Я раздраженно выхватываю листок у него из рук.

Миссис Сеймур велит нам потратить оставшиеся до конца урока пятнадцать минут на изучение раздаточного материала, чтобы хорошенько подготовиться к завтрашнему занятию. А сама отряхивает с юбки чипсы и вместе с Мелвином уходит со сцены.

На листке три пункта. Ровно три. Потому что на описание игры, в которой участники встают в круг и по очереди разыгрывают сценки, больше и не требуется. Какие там пятнадцать минут!

— Убожество, — цежу я сквозь зубы — так, чтобы Натану было слышно. И впрямь убожество. Игра на публику. Притворяюсь кем-то совсем другим, из надуманного сценария. Как будто в школе и без того фальши мало. А уж в нашей Линкольнской — особенно.

— Можно бы... — начинает Натан задумчиво, но, не договорив, трясет головой и улыбается.

— Что? — Мне и в самом деле интересно, хоть я и делаю вид, будто сержусь, что он не договаривается. — Ну?

Он пожимает плечами и качает головой:

— Можно просто смыться.

Улыбается и покачивает головой. Шутит, конечно. Нелепость же — уходить с урока.

Перефразирую: для меня прогулы — вообще запредельное безумие. Я в Бэрронский университет попала не потому, что удирала с уроков.

Я снова украдкой поглядываю на Натана — на это лицо, которое ни разу не видела до сегодняшнего дня. До меня вдруг доходит, что Натан ведь тоже не знает, кто я, — не знает, что я в принципе не прогуливаю.

— Все равно скоро ланч, — говорю я до того небрежно, что сама пугаюсь, но и вида не подаю. Натан склоняет голову набок, широкая улыбка чуть блекнет. — Через пятнадцать минут... — Я ему это сообщаю, как будто не он только что так внимательно изучал расписание. — Хочешь, смоемся?

Он внимательно смотрит на меня. И не просто так смотрит. С выражением, которое яснее всяких слов говорит: «Я весь твой». Странное чувство — когда парень выглядит таким беззащитным и уязвимым. Особенно странно было, когда на меня в прошлом году Трип Чепмен так смотрел. Вот уж в ком беззащитности и в помине не было. С ним наоборот — я всегда находилась в полной его власти, как и все остальные. Так что когда он вдруг глядел на меня вот этак — распахнутые глаза жадно всматриваются в твое лицо, губы стиснуты, точно не решаются улыбнуться, — я чувствовала: роли переменялись. Чудесное ощущение!

— По-твоему, нам это сойдет с рук? — спрашивает он. — Не попадем в... не попадемся? По-твоему, не

попадемся? — повторяет он, но поздно. Он явно хотел спросить — не попадем ли мы в неприятности.

Он знает, что не должен показывать, будто боится попасть в неприятности. Мне это нравится.

Я в последний раз смотрю на сцену. Ни миссис Сеймур, ни Мелвина. Я набираю в грудь воздуха и мысленно повторяю мантру, которой научила меня Шелби в прошлый понедельник, протягивая мне самодельную «маргариту». До начала нашего любимого сериала, «Мерси Роуз», оставалось всего двадцать секунд, так что она говорила быстро. «Теперь, когда тебя приняли в Бэррон, пора уж наконец зажить нормальной жизнью, как мы все. Бри, это твой выпускной год, надо бы порадоваться напоследок». Вообще-то, если мои подружки решают немного выпить во время еженедельного просмотра «Мерси Роуз», я к ним никогда не присоединяюсь, но тут, пока смотрела, выцедила две «маргариты».

Шелби была права. Она всегда права.

— По-моему, если не пойдешь со мной — сильно пожалеешь.

Я даже смотреть на него не могу, пока это произношу. Продираюсь мимо Натана, не дожидаясь, пока он хотя бы ноги с прохода сдвинет, — и стремительно шагаю к выходу. Знаю — все на меня тарашатся. Еще бы. Но я не останавливаюсь. И, выскочив за дверь, не оборачиваюсь проверить, идет ли за мной Натан. Я и так знаю, что идет.